

¹ Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

² Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, 630090, Россия
E-mail: khudjakov@mail.ru

ПРЕДМЕТЫ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ И ЛАМАИСТСКОЙ ТОРЕВТИКИ В СОСТАВЕ АБЛАЙКИТСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ: К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ*

В статье анализируются предметы западноевропейской и буддийской торевтики из состава Аблайкинской коллекции, собранной в разных районах Западной Сибири в начале XVIII в. Эти находки привлекли к себе большой научный интерес в России и странах Западной Европы после того, как они были подарены Петру I, по распоряжению которого их рисунки были переданы для изучения европейским ученым. Их издание во Франции явилось первой публикацией российских археологических коллекций. Предложена уточненная атрибуция, определение хронологии и этнокультурной принадлежности некоторых вещей из состава этой коллекции.

Ключевые слова: Западная Сибирь, сибирские древности, Аблайкинская коллекция, декоративно-прикладное искусство, торевтика, ученые, любители древностей.

Интерес к сибирским древностям в России возник в высших слоях общества в начале XVIII в. после «Великого посольства» в страны Западной Европы. Во время пребывания в Голландии царь Петр I ознакомился с экспозицией домашнего музея бургомистра Амстердама Н. К. Витзена, в составе которой были золотые и серебряные украшения и другие предметы декоративно-прикладного искусства из грабительских раскопок бугровщиков в Западной Сибири. Посещение европейских музеев побудило царя издать ряд указов о запрете грабительских раскопок и сдаче найденных вещей в казну, о создании первого в России музея – Кунсткамеры. Согласно этим царским указам некоторые сибирские администраторы, военные и промышленники передали собранные ими коллекции древностей царской семье. В 1715 г. горнозаводчик Н. А. Демидов преподнес в дар царице Екатерине «золотые сибирские могильные вещи», а в следующем году сибирский губернатор, князь М. П. Гагарин прислал коллекцию золотых и серебряных вещей из «земли древних поклаж». В 1719 г. по распоряжению Петра I в Сибирь была направлена первая научная экспедиция во главе с доктором Д. Г. Мес-

сершмидтом, одной из задач которой стал сбор «куриозных вещей» из древних могил для собрания Кунсткамеры. Сбором древностей в разных районах Сибири в течение последующих XVIII–XIX столетий занимались многие ученые, администраторы, военные, дипломаты, специалисты горного дела, врачи и другие люди, интересовавшиеся историческим прошлым Сибирского края, среди которых было немало выходцев из разных стран Европы [Борисенко, Худяков, 2005. С. 4–6].

Одна из самых ранних коллекций сибирских «куриозных вещей» была привезена в Санкт-Петербург в 1720 г. с территории Рудного Алтая начальником военного отряда, майором И. М. Лихаревым, посланным царем Петром I на поиски «песошного золота» в г. Яркенд в Восточном Туркестане. В составе этой коллекции было несколько предметов торевтики, в том числе бронзовые статуэтки, изображающие всадников, скульптурную группу из нескольких фигур, персонажей буддийского пантеона, даосского святого и орнитоморфных существ. Вместе с тибетскими буддийскими рукописями, собранными на развалинах джунгарского ламаистского монастыря Аблай-кит, эти

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 07-01-00434а).

вещи были преподнесены в дар царю. Необычные находки вызвали у Петра I большой интерес. Сами статуэтки он хранил до конца жизни в своем кабинете. По его распоряжению библиотекарь императорской библиотеки И. Д. Шумахер во время своей поездки по странам Европы в 1721–1722 г. показал тибетские рукописи немецким ученым И. Б. Менке и М. Лакрозу, а также французским ученым, братьям М. и Э. Фурмон для определения их культурной принадлежности и прочтения. Рисунки находок бронзовых вещей были предоставлены для изучения авторитетному французскому ученому Б. Монфокону. Интерес к сибирским находкам был столь велик, что о них было опубликовано сообщение во французской газете «Gazette» в 1721 г. Хотя немецким ученым не удалось определить язык рукописей, благодаря И. Б. Менке, опубликовавшему в 1722 г. один из листов тибетского ксилографа, эта находка была сохранена для науки. Французы М. и Э. Фурмон смогли определить принадлежность этих текстов тибетской письменности, но дали им совершенно произвольный «перевод», не имеющий никакого отношения к оригинальному тексту. Находки из Аблайкитской коллекции были опубликованы в 1724 г. Б. Монфоконом в одном из томов собрания древностей [Княжецкая, 1989. С. 22–28]. По оценке современных историографов, это была «первая публикация российских археологических коллекций» [Формозов, 1986. С. 29].

Интерес к аблайкитским рукописям и находкам сохранялся в течение нескольких десятилетий. О находках тибетских рукописей упоминали в своих сочинениях Т. Г. Байер, Д. Белл, Ф. И. Страленберг и другие ученые и любители древностей. Г. Ф. Миллер, во время нахождения в составе Великой Северной экспедиции в Забайкалье, показал текст «переведенной» французами рукописи монгольскому ламе Агванпхунцог Дордже, который определил несостоятельность этого «перевода» и сделал свой перевод на монгольский язык. Научный перевод текста этой тибетской рукописи был сделан только в конце XX в. [Воробьева-Десятовская, 1989. С. 40–41].

После смерти Петра I вещи из Аблайкитской коллекции были переданы на хранение в Кунсткамеру. Отдельные находки из состава этой коллекции были зарисованы ху-

дожниками рисовальной палаты Г. Качаловым, Ф. Маттарнови, А. Поляковым, Ф. Бернсом в 1730–1735 гг. [Шафрановская, 1965. С. 147, 150–151]. К сожалению, в 1747 г. все эти предметы погибли во время пожара Кунсткамеры. Поэтому судить о них можно только на основании рисунков, сделанных разными художниками в первой половине XVIII в. Отдельные вещи из состава коллекции неоднократно привлекали внимание исследователей. Однако весь состав коллекции был проанализирован только в конце XX в. [Княжецкая, 1989. С. 26–32; Борисенко, Худяков, 1997. С. 130–132].

Предметы, собранные в составе коллекции, имеют различное функциональное назначение, хронологию и культурную принадлежность. По сведениям И. М. Лихарева, эти находки были принесены ему «местными крестьянами», которые нашли их при грабительских раскопках могил в окрестностях Аблай-кита [Княжецкая, 1989. С. 27]. Е. А. Княжецкая, проследившая происхождение и историю изучения этой коллекции, затруднилась объяснить, каким образом вещи, относящиеся к «столь разным эпохам, странам и народам», могли оказаться в «могильных холмах Западной Сибири». Она высказала предположение, что такие вещи могли попасть в этот «отдаленный край» по «древним караванным путям» в результате торговых контактов [Княжецкая, 1989. С. 33].

Предпринятый авторами настоящей статьи анализ доступных из публикаций предметов Аблайкитской коллекции позволил уточнить их хронологию и культурную принадлежность, оценить ее в качестве антикварного собрания коллекционера XVIII в., составившего свою коллекцию из «куриозных вещей» определенной категории – портативных бронзовых статуэток, в течение периода своего пребывания в разных местах Западной Сибири. Вероятнее всего, этот безымянный коллекционер мог быть одним из иностранных «приезжих офицеров», интересующимся сибирскими древностями [Борисенко, Худяков, 1997. С. 131–132].

К сожалению, во всех работах, за исключением первого, очень редкого издания Б. Монфокона 1724 г., выборочно публиковались только отдельные предметы, поэтому некоторые вещи не получили точной атрибуции. Находки из Аблайкитской коллекции зарисовывались дважды различными

художниками, на рисунках которых они изображены в разных ракурсах с различной степенью точности. В течение последних десятилетий изображения некоторых вещей публиковались неоднократно, а рисунки других предметов не издавались с начала XVIII в. Из-за этого в их интерпретации накопились неточности и ошибки. В предшествующих публикациях Е. А. Княжецкой и А. А. Формозова были изданы репродукции с пяти оригинальных рисунков, привезенных вместе с их кратким описанием И. Д. Шумахером в 1721 г. в Париж, опубликованных через 3 года в книге Б. Монфокона [Княжецкая, 1989. Рис. 2–4; Формозов, 1986. С. 29]. Е. А. Княжецкой приведены описания всех находок из «Мемуара» И. Д. Шумахера и комментариев к ним Б. Монфокона, а также современная атрибуция этих вещей, предложенная А. П. Терентьевым-Катанским [Княжецкая, 1989. С. 29–30].

В настоящей статье необходимо проанализировать остальные находки, которые не вошли в современные издания, но представляют вполне самостоятельный интерес для истории археологической науки в России.

Первые две «фигуры», упомянутые в «Мемуаре» И. Д. Шумахера, по его мнению, «изображают цариц, или богинь, сидящих на троне в восточных позах». И. Д. Шумахер отметил, что эти статуэтки «сделаны из желтого металла, по-видимому, коринфской бронзы, есть повреждения» [Княжецкая, 1989. С. 29]. Первая из этих статуэток изображает фигуру сидящего на ступенчатом прямоугольном постаменте полуобнаженного человека. Статуэтка изображена не строго анфас, а с небольшим разворотом влево, таким образом, что левая сторона находится в тени. Рисунок передает умиротворенное выражение лица, тонкие брови взлетают, закрытые веками глаза, прямой нос, губы, тронутые улыбкой, плавный овал лица. У человека выделен обнаженный торс, широкие плечи, пышные женские груди, стройная талия. Может быть, таким образом мастером-изготовителем подчеркнута андрогинная сущность изображенного персонажа. Руки согнуты в локтях. На правой руке обломано несколько пальцев, на левой руке недостает кисти. Показаны довольно полный живот и бедра. Ноги согнуты в коленях. Левая пятка прижата к промежности. Правая нога опущена, пальцы ступни поме-

щены на каком-то непонятном уплощенном, перетянтом несколькими полосами предмете. Рядом примостился маленький ушастый зверек, может быть, это собака. На голове у человека показана высокая, пышная, трехсоставная тиара, на лицевой стороне которой изображена бородастая человеческая личина, а по бокам высокие птичьи крылья. Нижний край головного убора перетянут ожерельем из крупных звеньев, три конца этого ожерелья, расположенные по сторонам и с задней части тиары, спускаются на плечи и спину. Помимо них к головному убору подвешены матерчатые ленты, завязанные в нижней части бантами. На шее у человеческой фигуры также имеется ожерелье из бусин. На правой руке, выше локтя изображен пластинчатый браслет, напоминающий корону с шишечками на зубцах и несколькими отростками. Сзади к этому браслету крепится лента. На левой руке несомкнутый браслет состоит из нескольких изгибающихся листьев. На этой руке также есть лента, свисающая с локтевого сустава. На животе выделен округлый пупок и узкий ленточный пояс. На ногах также показаны ленты. Фигура сидит на лепестках лотоса, на постаменте, стенки которого украшены угловатым орнаментом (рис. 1). А. П. Терентьев-Катанский определил эту фигуру как «древнее изображение неизвестной индийской богини» и датировал «началом нашей эры» [Княжецкая, 1989. С. 30]. Еще один рисунок этой статуэтки приведен в работе Т. К. Шафрановской, посвященной анализу сведений о Кунсткамере в конце XVIII в., изложенных в популярной книге А. П. Шторха. Статуэтка изображена строго анфас, поэтому можно думать, что она срисована с натуры. К сожалению, она воспроизведена в очень плохой репродукции, поэтому многие детали трудно различимы. Однако можно отметить, что некоторые детали оригинала искажены. Например, собачка у правой ноги человека показана не лежащей, а припрыгивающей. В статье Т. К. Шафрановской ничего не говорится о том, из какого источника ею взят этот рисунок и известен ли его автор. Сама статуэтка названа «китайский медный идол» [1994. С. 271]. Ссылок на этот рисунок в тексте статьи нет.

На наш взгляд, учитывая контекст обнаружения самой Аблайкитской коллекции,

датировка и атрибуция статуэтки, предложенная А. П. Терентьевым-Катанским, представляются маловероятными. Скорее всего, эта фигура воспроизводит одного из персонажей буддийского пантеона, а сама статуэтка может происходить из развалин джунгарского ламаистского монастыря Аблай-кит и соответственно датироваться XVII в.

Рисунок второй статуэтки также воспроизводит фигуру человека, сидящего с поджатыми ногами на округлом постаменте, напоминающем стилизованное изображение цветка лотоса. У нее показано скуластое лицо, тонкие брови, раскосые открытые глаза, прямой нос, пухлые губы, большие уши и плавный овал подбородка. На лбу, между бровей изображен ромбовидный знак с округлой точкой в центре. У фигуры показаны неширокие плечи, пухлые женские груди, прямой торс. Правая рука согнута в локте, ладонь раскрыта, левая также согнута и отведена ладонью к правому плечу. Ладонь поднята вверх, большой палец соединен с безымянным в молитвенном жесте. Правая нога подогнута пяткой к промежности, левая согнута в колене, ступней прижимает лежащую птицу с длинной шеей и маленькой головой. На голове у фигуры тиара из листьев, стянутых тонким обручем с полукруглыми подвесками. На плечи спускаются ленты с извивающимися растительными побегам и цветами. Эти ленты спускаются с обеих сторон до самого постамента. На шее у фигуры два ожерелья из бусин с подвесками. На коротком ожерелье три округлых и одна ромбическая подвеска, на длинном ожерелье, спускающемся ниже груди, три подвески. Такие же браслеты из бусин с подвесками на запястьях обеих рук фигуры. На щиколотках обеих ног такие же браслеты, но без подвесок. Очень похож на ожерелья и браслеты пояс из бусин с округлой бляшкой спереди. Сидящая фигура одета в одежду с коротким рукавом и длинным, до щиколоток подолом (рис. 2). Эта статуэтка безошибочно определена А. П. Терентьевым-Катанским как «изображение популярной богини ламаистского пантеона – Зеленой Тары, устоявшийся образ искусства тибето-монгольского буддизма». Он уверенно датировал эту находку XVII в., что полностью соответствует возможности ее обнаружения на развалинах монастыря Аблай-кит [Княжецкая, 1989. С. 30]. Рисунок

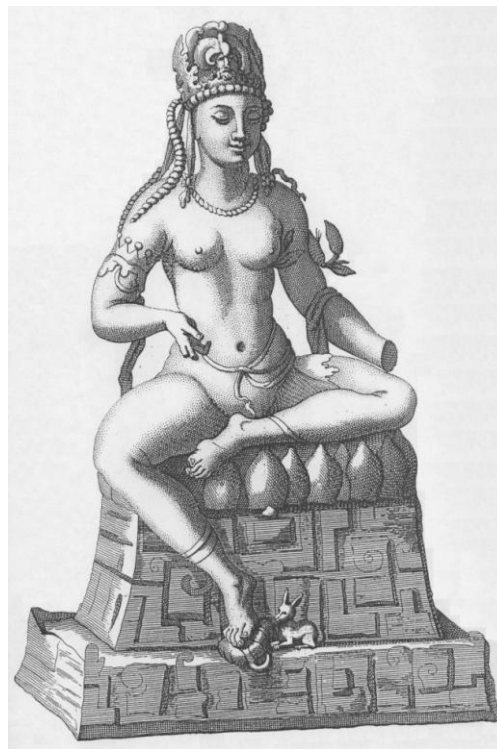

Рис. 1. Изображение бронзовой статуэтки буддийского божества из Аблайкитской коллекции (по: [Montfaucon, 1724. P. 154. LXXI, 69])

Рис. 2. Изображение бронзовой статуэтки буддийской богини Зеленая Тара из Аблайкитской коллекции (по: [Montfaucon, 1724. P. 153. LXX, 1])

Рис. 3. Изображение бронзовой статуэтки человека в длиннополой одежде (по: [Montfaucon, 1724. P. 153. LXX, 2])

этой статуэтки из книги Б. Монфокона был репродуцирован в книге по мифологии и буддизму в Тибете и Монголии немецкого исследователя древностей Восточного Туркестана А. Грюнведеля [Grunwedel, 1900. Taf. 116].

Третья статуэтка описана И. Д. Шумахером как изображение человека «на коленях, со сжатыми кулаками, в которые вставляются свечи». За спиной фигуры изображено кольцо, за которое, как предположил И. Д. Шумахер, ее подвешивали. Он отметил, что эта статуэтка изготовлена из того же материала, что и предыдущие буддийские статуэтки, т. е. из бронзы [Княжецкая, 1989. С. 29]. На рисунке из книги Б. Монфокона изображена в профиль фигура человека, присевшего на полусогнутых коленях и протянувшего вперед согнутые в локтях руки (рис. 3). У него короткая прическа, волнистые волосы. На темени показано округлое отверстие. Лицо европеоидное с открытым лбом, узкими бровями, миндалевидными глазами, выступающим носом,

пухлыми щеками и губами и небольшим подбородком. Пальцы правой руки согнуты в кулак, кисть левой руки обломана. Человек одет в длиннополоую не распашную верхнюю одежду с широким проемом для головы, обнажающим шею, с рукавами до запястья и длинным, до самого пола, подолом. Платье, напоминающее монашескую рясу, перетянута на талии. Ноги обуты в мягкую обувь. За спиной у фигуры небольшая петелька. Скульптура установлена на низкой, округлой подставке.

Некоторые детали описания и предположение о назначении этого предмета, высказанные И. Д. Шумахером, неточны. Фигура изображена не «на коленях», а в присевшем положении, со слегка согнутыми в коленях ногами. В кисть правой руки, согнутой в кулак, невозможно вставить даже тонкую свечу. Подвешивалась ли эта статуэтка за петлю на спине, тоже не вполне ясно. Наличие округлой подставки может свидетельствовать в пользу того, что она могла устанавливаться на какой-то горизонтальной плоскости, например, на полке или на столе. А. П. Терентьев-Катанский определил эту статуэтку в качестве светильника «в виде человека в позднеримском одеянии, или одеянии дьякона времен Византийской империи». По его оценке изображенная прическа «позднеримская». Сама вещь может происходить из Рима, или восточных провинций Римской империи, например, из Сирии, и должна датироваться V–VI вв. н. э. [Княжецкая, 1989. С. 30]. Е. А. Княжецкая высказала предположение, что эта статуэтка была зарисована еще раз художником рисовальной палаты А. Поляковым в 1736 г., и рисунок хранится в специальной папке «Предметы китайской и преимущественно среднеазиатской работы» в Архиве РАН. На этом рисунке изображен анфас человек «на коленях, в свободной одежде, с отверстиями для светильников вместо кистей рук» [Там же. С. 29]. Рисунок опубликован Т. К. Шафрановской. Однако это изображение заметно отличается от рисунка из книги Б. Монфокона. Фигура человека изображена стоящей. У нее маленькая, сферическая шапочка на голове и длинные, до плеч, прямые волосы. На теле несколько одеяний, в том числе длинная распашная верхняя одежда. Кисти обеих рук обломаны. За спиной фигуры с обеих сторон по семь языков пламе-

ни. Т. К. Шафрановская определила эту находку как «статуэтку богини», найденную в Семипалатинске и зарисованную А. Поляковым [Шафрановская, 1965. Рис. 4]. В настоящее время очевидно, что эта статуэтка не тождественна анализируемой находке из состава Аблайкитской коллекции. Предложенные А. П. Терентьевым-Катанским атрибуция и датировка этой находки вызывают сомнения. На наш взгляд, вещь может относиться к кругу западноевропейских изделий периода развитого средневековья, обнаруженных коллекционерами в XVIII в. на территории Западной Сибири [Борисенко, Худяков, 2003. С. 128].

Еще одна из находок в составе Аблайкитской коллекции, пятая по счету в описании И. Д. Шумахера, почему-то была названа им «бронзовая лошадь», хотя на рисунке изображен всадник верхом на лошади [Княжецкая, 1989. С. 29]. Эта находка библиотекарем Императорской библиотеки никак не прокомментирована. В труде Б. Монфокона скульптура изображена в профиль с левой стороны. Всадник показан сидящим в седле, верхом на лошади. Его лицо показано в профиль. Изображены бровь, глаз, прямой нос, сжатые губы и подбородок. На голове облегающий головной убор с козырьком, наушами и назатыльником. На темени округлая плоскость. Из-под назатыльника выступают волосы. Всадник изображен с поднятой вверх, слегка согнутой правой рукой и вытянутой вперед к гриве лошади, также слегка согнутой левой рукой. Он одет в короткополую верхнюю одежду и рукавицы. У верхней одежды широкий ворот, узкие рукава с дополнительными деталями на локтях и подолом, составленным из четырех горизонтальных полос. На ногах плотно облегающие штаны и обувь с дополнительной деталью на колене. Он сидит в коротком седле с высокой передней лукой, но без стремян. Лошадь изображена с большой головой, плотной шеей и туловищем, коротко постриженной гривой и хвостом, на широко расставленных ногах. На голове и шее лошади узда и двойные поводья из многочисленных витых ремешков. На груди такой же нагрудный ремень (рис. 4).

Эта скульптура была еще раз зарисована в 1730-х гг. в несколько ином ракурсе, но также с левой стороны, одним из художников рисовальной палаты Г. Качаловым, или Ф. Маттарнови [Шафрановская, 1965. С. 152,

рис. 2]. На этом рисунке некоторые детали отличаются от изображенных в труде Б. Монфокона. На голове всадника показан сферический шлем с бармицей, на плечах широкие оплечья, подол панциря спереди имеет разрез. Лошадь на этом рисунке показана более колоритно, с круто изогнутой плотной шеей, плотным коротким туловищем на коротких толстых ногах (рис. 5, 1). Произведение художника рисовальной палаты представляется более точным и выразительным, чем рисунок из труда Б. Монфокона, однако нет сомнения в том, что во всех основных деталях оба рисунка совпадают и изображают один и тот же оригинал из состава Аблайкитской коллекции. Это важно подчеркнуть, поскольку Т. К. Шафрановская в своей статье ошибочно указала, что на этом рисунке изображена бронзовая статуэтка всадника из Семипалатинска, «из коллекции Мессершмидта» [Шафрановская, 1965. С. 152, рис. 2]. В коллекции, собранной в Сибири Д. Г. Мессершмидтом, действительно имелся бронзовый акваманил, или водолей – сосуд для омовения рук в виде скульптуры конного рыцаря [Brentjes, Vasilievsky, 1989. S. 171]. Однако находка Д. Г. Мессершмидта в виде фигуры рыцаря имеет существенные отличия и гораздо более детализована, чем находка из Аблайкита. Рыцарь изображен в кольчужном

Рис. 4. Изображение бронзового акваманила – сосуда для омовения рук в виде конного рыцаря из Аблайкитской коллекции (по: [Montfaucon, 1724. P. 154. LXXI, 1])

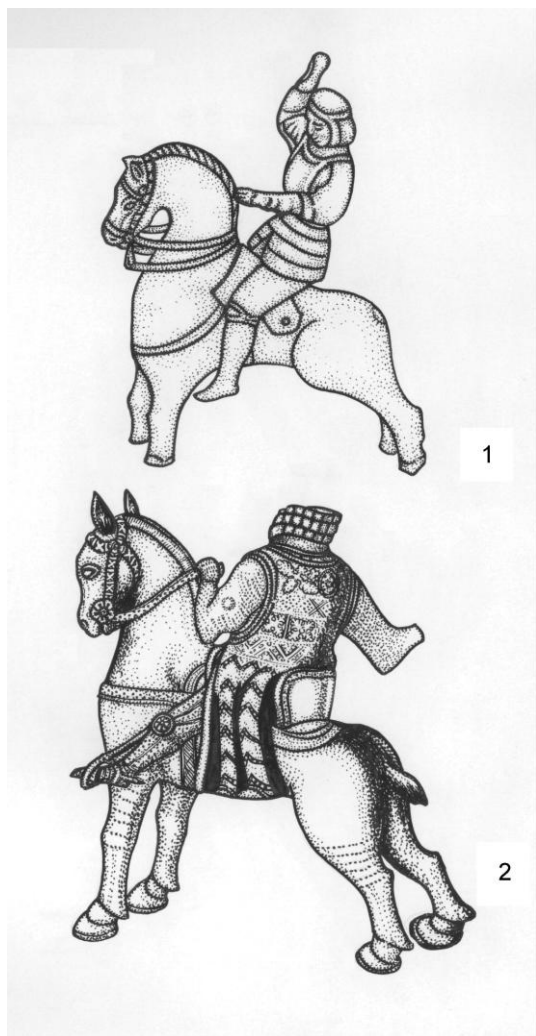

Рис. 5. Изображения акваминилов в виде конных рыцарей: 1 – из Аблайкитской коллекции, художник рисовальной палаты Ф. Маттарнови, или Г. Качалов (по: [Шафрановская, 1965. Рис. 2; Даркевич, 1966. Табл. 6, 9]); 2 – из собрания Д. Г. Мессершмидта (по: [Brentjes, Vasilievsky, 1989. S. 171])

доспехе, поверх которого надет плащ без рукавов, украшенный растительной орнаментацией. Бармица шлема составлена из ламеллярных пластин. Правая рука отогнута назад и ее кисть обломана.левой рукой всадник держит поводья. Ноги в обуви со шпорами уперты в стремяна. Рыцарское седло имеет высокие луки спереди и сзади. Сбруйные ремни широкие и украшены бляшками (рис. 5, 2).

В дальнейшем анализируемая аблайкитская находка неоднократно публиковалась. В начале XX в. она была атрибутирована Я. И. Смирновым в качестве западноевропейского акваманила и датирована XV в. Наиболее детально эта вещь проанализиро-

вана В. П. Даркевичем, который, однако, неточно указал в качестве места ее находки Южный Урал [Даркевич, 1966. С. 30, 50–51]. А. П. Терентьев-Катанский определил ее в качестве изображения «иранского катафрактария» V–VI вв. [Княжецкая, 1989. С. 30]. Т. К. Шафрановская считала эту статуэтку изображением всадника скифского времени [Шафрановская, 1965. С. 152, рис. 2; Шафрановская, 1993. С. 91]. Однако такие предположения высказаны без развернутой аргументации и поэтому не могут быть приняты. Определение аблайкитской находки в качестве акваманила – изделия западноевропейского ремесленного производства развитого средневековья, после проведенных дополнительных изысканий, остается в силе.

Состав находок аблайкитской коллекции позволяет предполагать, что ее собиратель прослужил в разных районах Сибири не один год, поскольку среди составляющих ее находок имеются изделия западноевропейского художественного ремесла, которые могли попасть в этот регион по торговым путям в развитом и позднем средневековье, вещь, относящаяся к западносибирскому культовому литью, и предметы буддийской и даосской культовой утвари. В 1720 г. эти вещи могли быть приобретены у собирателя майором И. М. Лихаревым, надеявшимся с помощью этого подарка загладить перед царем Петром I свои провалы на военном поприще в ходе неудачного похода за золотом в Яркенд. В результате эта коллекция была подарена царю и сыграла заметную роль в развитии интереса к сибирским древностям в России и Западной Европе.

Список литературы

Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Коллекция находок XVIII в. с территории Рудного Алтая // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1997. № 2. С. 129–143.

Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Западно-европейский акваманил, привезенный в XVIII веке Г. Ф. Миллером из Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 1. С. 123–129.

Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Изучение древностей южной Сибири немецкими учеными XVIII–XIX вв. Новосибирск, 2005. 270 с.

Воробьева-Десятовская М. И. Лист тибетской рукописи из Аблай-кита // Страны и народы Востока. М.: Наука, 1989. Вып. 26. С. 36–42.

Даркевич В. П. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X–XIV вв.) // Свод археологических источников. М.: Наука, 1966. Вып. Е 1-57. 200 с.

Княжецкая Е. А. Новые сведения об экспедиции И. М. Лихарева (1719–1720) // Страны и народы Востока. М.: Наука, 1989. Вып. 26. С. 10–35.

Формозов А. А. Страницы истории русской археологии М.: Наука, 1986. 240 с.

Шафрановская Т. К. О сокровищах петровской Кунсткамеры (по рисункам XVIII в.) // СЭ. 1965. № 2. С. 147–156.

Шафрановская Т. К. Кунсткамера и Восток. Первые азиатские коллекции Кунсткамеры, собранные отечественными путешественниками // Кунсткамера. Этногра-

фические тетради. СПб., 1993. Вып. 1. С. 89–101.

Шафрановская Т. К. К вопросу о забытых источниках по истории Кунсткамеры (А. К. Шторх о Кунсткамере) // Кунсткамера. Этнографические тетради. СПб., 1994. Вып. 5–6. С. 262–274.

Brentjes B., Vasilievsky R. S. Schamanenkronne im Weltbaum der Nomaden Nordasiens. Leipzig: E. A. Seeman Verlag, 1989. 203 S.

Grunwedel A. Mythologie des buddismus in Tibet und der Mongolei. Leipzig, 1900. 244 S.

Montfaucon B. Supplement du livre de l'Antiquité expliquée et Représentée en Figures. Tome cinquième. Le Funerailles. Par Dom Bernard Montfaucon. À Paris, MDCC. XXIV. 1724. T. 5. 347 p.

Материал поступил в редколлегию 06.03.2009

A. Yu. Borisenko, Yu. S. Khudyakov

OBJECTS OF WEST-EUROPEAN AND LAMAISTIC TOREVTIC IN COMPLEX OF ABLAY-KYT COLLECTION

Article analyze a West-European and Buddhist torevtic in complex of Ablay-kit collection, collected in different areas of West Siberia in the beginning of XVIII century. These finds which were presented to Peter I roused big scientific interest in Russia and West Europe countries. Under Peter I pictures of that finds were transferred to European scientist. Their edition in France was mentioned as first publication of Russian archeological collection. Was made proposal for specified attribution determination of chronology and ethnocultural characteristic of some things from complex of this collection.

Keywords: West Siberia, Siberian antiquities, collection of Ablay-kit, arts and crafts, torevtik, the scientists, fans of antiquities.